

невежеством. Анализ научной литературы помог прийти к выводу: правовой нигилизм и правовой идеализм — это две стороны одной медали.

Библиографический список

1. Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М., 2004.
2. Чуйков Д. Понятие правосознания // История государства и права. 2007. № 19.
3. Сорокин В. В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2001. № 10.
4. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права: учебник. М., 2005.
5. Гойман В. И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
7. Сафонов В. Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. 2004. № 12.
8. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. 1989. № 10.
9. Донченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. 2005. № 6.
10. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2.
11. Монаков В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1(21).
12. Утарбеков Ш. Г. Проблемы этимологического толкования понятия правового нигилизма в российском законодательстве // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 21(159).
13. Матузов Н. И. Правовой идеализм как «родимое пятно» российского общественного сознания // Правовая культура. 2008. № 2(5).
14. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2003.

УДК 34
ББК 67.1

ОБРАЗ ЭЛИТЫ В КОНСЕРВАТИВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

А. А. Васильев, В. В. Мухопад

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проводится анализ идей славянского просветителя Юрия Крижанича, касающихся образа элиты в России XVII в. Анализируется деление общества на сословия, распределение между ними обязанностей общественного значения, требования к представителям элиты. Тезисы являются продолжением предыдущих исследований авторов, касающихся теории элиты и правящего отбора в консервативной правовой идеологии России.

Ключевые слова: политическая элита, элитология, консерватизм, правовое учение.

IDEAS OF THE ELITE IN THE CONSERVATIVE LEGAL IDEOLOGY OF YURI KRIZHANICH

A. A. Vasilev, V. V. Mukhopad

Altay State University (Barnaul, Russia)

The article analyzes the ideas of the Slavic thinker Yuri Krizhanich concerning the image of the elite in Russia of the XVII century. The authors analyze the division of society into classes, the distribution of social

responsibilities, and requirements for elite representatives. These theses are a continuation of the authors' previous research on the theory of elite and ruling selection in the conservative legal ideology of Russia.

Keywords: political elite, elitology, the conservatism, doctrine.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2020\)2.2](https://doi.org/10.14258/ralj(2020)2.2)

Взгляды славянского просветителя Юрия Крижанича (1617–1683 гг.) на сословия и элитарный слой обладают достаточной структурированностью и последовательностью. Отметим, что мыслитель имел богословское образование, являлся священником-миссионером, выступал за унию католической и православной церковей. В 1659 г. Ю. Крижанич приехал в Москву, а через несколько лет был сослан царем Алексеем Михайловичем в Тобольск (1663–1666 гг.), где написал произведение «Политика», которое и представляет для нас, как исследователей взглядов на элиту, особый интерес.

В стиле консервативно-правовой идеологии Юрий Крижанич определяет деление общества на сословия: «Сословия и разряды людей различны и складываются в соответствии с различными обязанностями людей. Ведь никто не живет для себя, никто не рожден для того, чтобы жить только для себя. <...> Но каждый человек должен делать какое-нибудь дело, которое будет полезным также и для всех людей, и зарабатывать себе на хлеб — «обязанность» [1].

Думается, что именно такое понимание обязанности будет фигурировать позже в трудах консерваторов и в концепции «правообязанности» как таковой — когда человек прежде «обязан» за всех и перед всеми, и только затем «вправе». наброски такой концепции можно встретить и у Ф. М. Достоевского — знаменитого почвенника: «Нельзя чтобы не было господ и слуг, но пусть же и я буду слугой моих слуг (курсив авт.), таким же, каким и они мне. Да еще скажу тебе, матушка, что всякий из нас пред всеми во всем виноват, а я более всех» [2].

Итак, существует три сословия: церковники (обязаны заботиться о спасении душ), благородное сословие, простой народ (обязаны прислуживать, работать). Над всеми этими сословиями возвышается царь — «Божий Наместник».

Коснемся более подробно благородного сословия, которое, по мнению Ю. Крижанича, составляют князья, должностные лица, военачальники. При этом так называемые «люди на жаловании» (писцы, воины, слуги) в состав благородного сословия не входят, поскольку властью никакой не обладают и обеспечиваются общественным жалованием. Обязанность благородного сословия заключается в том, чтобы «объяснять волю царя остальным сословиям и вершить правление».

Так или иначе, но в текстах Юрия Крижанича отчетливо прослеживается отождествление благородного сословия с тем, что сегодня мы бы назвали политической элитой: «К разряду князей относят тех, кто помогает царю в совете и во всем правлении. Должностными лицами считают тех, кто начальствует в мирных делах и на мирных должностях. В разряд военачальников входят те, кои начальствуют в ратных делах» [1].

Интересно, как мыслитель решает вопрос о ротации элиты: «Во всех этих [разрядах] есть некоторые более высокие должности, которые не должны быть постоянными (думается, сегодня мы бы назвали их государственными должностями — прим. авт.), так чтобы эту должность занимал кто-нибудь в течение всей жизни, но следует чаще менять таких высоких начальников и верховных вождей или полководцев (современный принцип сменяемости власти — прим. авт.). Ибо, когда они обладают постоянной властью, им легче бывает предпринимать дела, противоречащие благим законам и древним обычаям».

Нельзя не согласиться с тем, что такое умозаключение для мыслителя XVII века довольно прогрессивно. Между тем Юрий Крижанич обходит прямо вопрос о сменяемости верховного правителя — царя. В пример, подтверждающий верность своего заключения, мыслитель приводит немцев, некогда обладавших полнотой власти над Галлией, Италией, Испанией и Англией: «Те князья, кои добивались престола для того, чтобы их поставили царями, обещали благородному сословию слишком большие и чрезмерные привилегии (курсив мой — авт.). Сперва дали им пожизненные должности и права, затем разрешили передавать это по наследству всем потомкам, и так немецкие цари сами себя лишили всякой власти. А благородное сословие после этого во всем дало себе волю. Ведь они не считают себя рожденными для того, чтобы повиноваться королю и по его поручению управ-

лять народом и побуждать к добродетели, но думают, что их обязанность лишь в том, чтобы есть, пить, спать и веселиться».

Примечательно, что ротация, обновление правящей верхушки не предполагает, по мнению Ю. Крижанича, окончательного отстранения от политических дел: и в отношении благородного сословия, и в отношении монахов автор «Политики» использует словосочетание «перемещение в должности».

Ю. Крижанич метафорично отождествляет государство с человеческим организмом, где нельзя безболезненно отделить какой-либо член и не утратить своей идентичности и целостности. Так, он использует и другую стратификацию общества, воображая его телом государства: «Как человеческое тело складывается из своих членов — головы, рук, ног и прочего, так же и духовное или воображаемое тело государства имеет свои члены: члены охраняющие, охраняемые и больные или нездоровые. Охраняющие члены — те, кои добывают и оберегают все вещи, потребные для житья. Охраняемые члены — те, кои по разным причинам нужны охраняющим. Больные или вредные члены — те кои заражают государство своими пороками и поедают его добро. А голова всему — король» [1].

К «охраняющему» слою общества мыслитель относит крестьян, ремесленников и торговцев, которые «добывают все то, чем пользуются и чем кормятся и живут все подданные». Удивительно, что наряду с ними к охраняющему слою относятся власти, бояре и воины, которые «вершат суд, ведут войны, берегут общий покой, здоровье, жизнь и всякое благоприобретенное добро всех подданных от домашних разбойников, воров, насильников и злодеев и внешних врагов».

В охраняемых членах общество нуждается не особо: духовенство просвещает народ, поучает его, а «убогие» (слепые, хромые, нищие) охраняются государством по Божьей заповеди. В эту же группу причислены «мастера ученых дел», которые для конкретного человека кажутся не особо необходимыми, однако для государства очень нужны: «ликописцы, литейщики, инженеры, грамматики, историки, математики, астрономы, философы». Больные члены причиняют государству зло: «еретики, волхвы, чужеземцы, воры, разбойники; игроки или голодранцы, праздные дворяне».

Заметим, как мыслитель очерчивает круг лиц, которых вообще можно причислить к благородному сословию: духовенство, «научная интеллигенция», торговцы, ремесленники сюда явно не относятся — речь идет лишь о лицах, находящихся у власти непосредственно. Хотя духовенство и научный свет общества следует «охранять».

При этом фигурирует идея об особом состоянии чести, мыслей «благородного сословия»: «Короли, власти, бояре и воины имеют разные представления о чести и многие живут холостыми из-за того, что не имеют ни средств, ни достаточного имущества, чтобы содержать дом сообразно своему достоинству и жениться. А черные люди не думают о чести, а лишь о прибыли, о доходе и об утробе, и поэтому они легко находят себе пару, и женятся молодыми, и быстрее рожают детей. Из-за этого у римлян последних черных людей называли «пролетариями», плодовитыми» [1]. Так, мыслитель как бы намекает на то, что образ жизни тех или иных сословий определяет их мировоззрение. Между тем видение Ю. Крижаничем «черного люда» можно назвать несколько упрощенным, схематичным и несколько несправедливым: «Бояр посылают на войну, где они проливают кровь и складывают головы, служат при королевском дворе и много лет живут холостыми. <...> Рано встают, поздно ложатся и бодрствуют целые ночи за государственными и народными делами. А черных людей никто не спросит, когда они встают. Посылают с посольствами и с поручениями с места на место, и много времени они проводят вне своего дома. <...> А черные люди всегда сидят дома. Итак, пусть знают черные люди, что они по справедливости и по праву обязаны кормить на свои средства короля, бояр и воинов и служить им». С точки зрения исторической действительности такое умозаключение кажется нам несправедливым, поскольку крестьяне и ремесленники обладали не менее насыщенным режимом дня. При этом мыслителю кажется, что лишь «благородное сословие» испытывает заботы, и подвергается смертельным опасностям, а черные люди спокойно пользуются земными благами. Нам видится, что такое «однобокое» видение отношений благородных и простого люда было на тот момент политически выгодным, поскольку, будучи популяризированным, оно способно было призвать простой люд быть «послушными» государству, и терпеливыми.

Даже обязанности благородного слоя перед народом остаются удобными элите: «Король, власти и бояре должны так обходиться с черными людьми, чтобы могли всегда с них что-нибудь взять. Они не должны настолько увеличивать обычные подати и повинности черных людей, чтобы из-за этого прекращалось земледелие, ремесло и торговля».

Таким образом, благородное сословие становится элитой по умолчанию. Мыслитель отмечает, что особенно это касается России, поскольку там имеется «достаточно причин», позволяющих признать, что благородное сословие «повсюду важнее и нужнее»: «Потому что это царство имеет по содействию много злых разбойных народов. Рядом с такими разбойниками наши черные люди ничего не могли бы нажить и иметь, если бы их не охраняли и не защищали. Во-вторых, ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо и нигде не имеют таких прав, как здесь. В-третьих, русские торговцы никуда по морю не ходят, и не ведают морских опасностей и страхов» [1].

Кажется, что такое видение автором элиты несколько расходится с его духовным образованием, поскольку духовенство им не рассматривается как союзник Царя по управлению государственными делами. Однако особый интерес вызывают строки, написанные по отношению к главам государств — королям. В них содержатся отсылки к православным источникам. Предложенные мыслителем обязанности короля можно назвать своеобразным кодексом этики того времени, поскольку содержат они больше морально-нравственных предписаний.

Самыми главными твердынями государства мыслитель видит королевское благочестие, хорошее правление (чтобы подданные были довольны властью, а чужие люди желали ее), согласие в народе (единство королевства), «оберегание от чужебесия» (чужестранцев), полезное союзничество («Лучше иметь верного и доброхотного соседа, нежели стать с ним одной державой»).

Одним из ключевых вопросов произведения является вопрос подбора (рекрутинга) воевод для процветания государства. Анализируя зарубежный опыт, Ю. Крижанич выдвигает целый ряд качеств хорошего воеводы: искусность, храбрость, ум, знания, родовитость: «Китайцы поступают нехорошо и глупо, ставят военным баном того, кто умеет лучше писать и сочинять какую-нибудь речь. И таким способом назначают всех городских и военных начальников. Потому-то китайцы и невоенные люди, что воеводы их больше учатся приказным, нежели ратным делам, и скорее — дьяки, нежели воины. Турки не обращают внимания на родовитость, но говорят, что смотрят на искусность, ум и храбрость. Однако на деле это не так, и часто начальниками бывают назначены негодные, умеющие лучше подольститься. Так, одним махом из самых низших становятся наивысшими. Европейские короли поступают лучше, смотрят и на родовитость. Родовитые бояре более усердно действуют ради уже имеющегося богатства и вотчин и сохранения старой славы, нежели бедные или неродовитые люди — для добывания нового богатства и славы. Кроме того, бояре в юности имеют больше подobaющего времени и возможности для обучения наукам, нежели простые люди» [1].

Ю. Крижанич полагает, что и к городским банам следует предъявлять те же требования. При этом мыслитель не имеет в виду то, что начальниками должны становиться лишь родовитые люди, о «закрытости» элиты речи нет: «Если кто из простых людей покажет себя достойным такой чести, то путь ему не закрыт, и король сделает его сперва полковником или воеводой, затем боярином, а затем и военным баном». Однако путь до военного бана для простого человека оказывается гораздо длиннее.

В заключение Юрий Крижанич составляет подробный список требующихся для военного начальника качеств: он должен быть верным, храбрым и искусным, бдительным, быстрым, ревностным, заботливым, твердым, упорным и суровым в поддержании страха и порядка, всегда заниматься делом, щадить время, быть справедливым судьей, не алчным, нелицеприятным и не берущим подарки, и в этом обязан особо присягнуть (в какой-то мере данный критерий соотносится с современной антикоррупционной политикой России), должен быть щедрым и человечным, ибо если кому-либо на свете и нужна щедрость и человечность, то прежде всего бану (прим. авт: бан — правитель земли, области. Понимался также как «господин» или «хозяин» [3]), осмотрительным в бою, родовитым или иметь какие-либо иные особенно высокие достоинства, должен быть уроженцем данной страны (соотносится с современным цензом оседлости), не чужестранцем, не сыном и не внуком чужестранца, должен уметь построить и воодушевить войско, полезно бану знать о древних событиях (имеется в виду, на наш взгляд, прежде всего история государства, что в некотором смысле соотносится с концепцией славянофилов, евразийцев и — отдаленно — национальной идеей России — патриотизмом и вниманием к истории страны), ибо благодаря этому он может научиться многим полезным вещам и приспособить их для своих целей.

Интересно также, что Ю. Крижанич считал заимствование иностранных слов в русский язык фактором, повышающим малодушие и уменьшающим мужество воинов: «Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называются иноязычными именами, они начинают представлять себе

чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ — недостаточно храбрыми. Ибо рассуждают они так: откуда пришли названия воинских дел, оттуда произошли и сами воинские дела и доблести». В этом смысле справедливо замечание Р. В. Насырова о том, как незрело сегодня российское государство, как подобно оно подростковому неустойчивому сознанию и как важно, наконец, от этого заимствования отказаться: «Петр I ввел в армии новую форму одежды по европейскому типу; по словам Д. Лихачева, «передел армию в форму своих детских потешных полков». Лишь спустя век заметили, что климат в России иной, и, наконец, вернулись к военной форме XVI–XVII вв. — длинная шинель, папаха и т. д. Если использовать тему одежды в качестве метафоры, то Россия, принимая волевое решение быть как западный сосед, одевает на себя европейский плащ и кепку, но затем под влиянием реальных условий под эти европейские одежды скрытно одевает телогрейку и шапку-ушанку» [4].

Особое внимание Ю. Крижанич уделяет тому, что сегодня бы назвали деловым стилем в одежде государственных служащих: «Одной из главных причин малодушия является мерзкий и непристойный вид волос, бороды и одежды. <...> Русское обличье не отличается ни красотой, ни ловкостью, ни свободой, а скорее говорит смотрящим людям о рабской неволе, тяготах и малодушии. Наши воины ходят, стянутые тесными платьями, будто бы их запахали в мех и зашили, головы у них голые, как у телят, бороды запущены и кажутся более похожими на лесных дикарей, нежели на ловких и храбрых воинов».

Несмотря на такое подробное описание идеала ротации элиты и ее функционирования, лучшим советником государя Юрий Крижанич считал книги, поскольку советники из числа живых людей часто льстят, к тому же до сорока лет большинство людей еще глупы и действуют по наитию, не осознавая до конца, «что есть этот мир»: «Среди живых мало хороших советников, но, как некто сказал, мертвые советники (то есть книги) — это самые лучшие верные друзья. Ведь книгами не движет ни алчность, ни ненависть, ни любовь, не льстят и не боятся поведать истину».

Как качественный критерий хорошего политика Ю. Крижанич называет философствование: «Всякий разумный муж должен быть философом в тех делах, которыми он занимается, особенно политик или какой-либо начальник. <...> Он действительно должен понять причины многих и премногих вещей. Ибо никто не судит верно о какой-либо вещи, если не знает, от какого корня и вершины она происходит или отчего, из чего, как и для чего она сотворена». При этом особое внимание мыслитель уделяет постулатам «Познай самого себя» и «Не верь чужестранцам».

Кроме того, мыслитель выдвигает целую политическую программу — идеал правления, согласно постулатам которой Россия объявляется неделимым государством, править которым дочери царя не вправе, а благородное сословие наделяется возможностью со временем, при отсутствии иных наследников, занять царский престол: «Да будет на Руси 12 князей — блюстителей престола. А если оборвется королевский род, да будет один из этих князей избран королем. <...> Да не берет король жен от чужеземцев, а лишь от своих князей и властелей или славянских правителей. Да не выдает король своих дочерей за чужеземцев, а лишь за своих князей и властелей, и за славянских правителей» [1]. В «программе» фигурирует принцип майората, при котором остальные наследники именуется князьями, однако политических прав не имеют: «На народных сеймах не должны они иметь ни места, ни голоса, ни права свободного присутствия. Да не смогут они держать слуг сверх определенного числа».

Также автор намекает на необходимость сближения царя и боярского сословия: «Древние римские, а затем греческие цари выдавали своих дочерей за своих бояр, и честь их от этого не страдала».

Таким образом, в воззрениях Юрия Крижанича отводится большое место особому слою общества — благородному сословию, в которое включаются князья, должностные лица, военачальники. Прослеживается идея об особом состоянии чести, мыслей «благородного сословия».

Впервые в истории отечественной правовой мысли разрешается вопрос о ротации элиты, о «срочности» занятия высоких государственных должностей, о возможности наделения элиты правом претендовать на престол в случае прерывания королевского рода, что сегодня кажется достаточно прогрессивным и современным. При этом автор использует словосочетание «перемещение в должности».

Самыми главными твердынями государства мыслитель видит королевское благочестие, хорошее правление (чтобы подданные были довольны властью, а чужие люди желали ее), согласие в народе, «оберегание от чужебесия», полезное союзничество.

Библиографический список

1. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
2. Последнее слово умирающего русского мальчика Маркела в романе «Братья Карамазовы». Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л., 1991. Том 9.
3. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973. Кн. 3.
4. История правовых учений России. X–XXI вв. : учебник : в 3 томах / под ред. В. В. Сорокина и А. А. Васильева. М., 2014.

УДК 34.096

ББК 67.0

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО: ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

*А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)*

В современном научном пространстве становятся популярными исследования искусственного интеллекта и, как следствие, нарастают споры о перспективах и рисках его более широкого применения. Стремительное развитие цифровых технологий вызывает острую необходимость расширения границ сферы правового регулирования и появления в ней новых сегментов. На сегодняшний день развитие цифровых технологий демонстрирует продолжительную тенденцию к снижению охранительных способностей существующих правовых институтов, что обостряет конфликт между преимуществами современных технологий и действующим законодательством. В этой связи актуальным видится изучение понятия искусственного интеллекта, его появления в качестве самостоятельного научного направления, а также правовых рисков использования искусственного интеллекта и путей их преодоления.

Социальная и практическая значимость исследования заключается в поиске оптимального правового регулирования, что, в свою очередь, будет способствовать беспрепятственному внедрению новейших технологий, являющихся катализатором экономического роста и способствующих развитию цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровое право, искусственный интеллект, правовые риски, цифровая экономика.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW: PROBLEMS AND PROSPECTS

*A. A. Vasiliev, Y. V. Pechatnova**Altai State University (Barnaul, Russia)*

In the modern scientific space, artificial intelligence researches are becoming popular and, as the result, disputes about the prospects and risks of its wider use are growing. The rapid development of digital technologies causes the urgent need of expansion the boundaries in the sphere of legal regulation and emergence new segments in it. Today, the development of digital technologies demonstrates the long-term tendency to reduce the protective abilities of existing legal institutions, which aggravates the conflict between the advantages of modern technologies and current legislation. In this regard, it seems relevant to